

ГРИГОРИЙ ТЕПЛОВ

Село Молодовое на западе Орловской области... Старинное, в чем-то загадочное. Напомнить хотя бы название - Молодовое - такого нет больше ни на Орловщине, ни в соседних губерниях. Впервые я побывал здесь в январе 1993 года. Наверное, больше всего хотелось увидеть бывшую усадьбу Теплова - человека неординарного, который участвовал во многих событиях века восемнадцатого...

В обычный зимний день рано утром я был на автовокзале, а полтора часа спустя в самом Молодовом.

Мостик через маленькую речку, стынущие на ветру деревья и обыкновенные домики, разбросанные по склонам здешних окрестностей. Снег, ветер, шагаю по пустынной улице... Зашел в сельсовет, в школу, встретился со старожилами. Увы, не оправдалась надежда на то, что лежат где-то, дожидаясь своего часа, записанные кем-то воспоминания старожилов либо случайно сохранившиеся фотографии.

Даже какие-то отзвуки прошлого найти оказалось не просто. Спасибо, техничка местной школы Полина Никитична вызвалась показать место бывшей усадьбы. Как раз на месте прежнего храма стоит теперь школа. От нее чуть пройти и встретишь ров, которым когда-то оградил помещик свои владения от сельской скотины. За рвом деревья в несколько рядов. А дальше - обычное поле. Еще несколько лет назад здесь был сад, потому и размещается на лето колхозная пасека. Но зимой - холодная пустота. Пустота на месте усадьбы Тепловых...

Так и хотелось зажмурить глаза и представить: стоит по-прежнему на своем исконном месте огромный барский дом. А в нем, в окружении книг,

портретов и бесценных рукописей коротает свои дни на склоне лет Григорий Николаевич Теплов...

СЫН ИСТОПНИКА

Григорий Теплов родился 20 ноября 1717 года во Пскове. Не раз в его биографиях упоминается то, что был он сыном архиерейского истопника - отсюда как будто и произошла его "говорящая" фамилия. Впрочем, есть и другие версии: сам Теплов утверждал, что его отец был простым солдатом... Времена были не из самых лучших - Россия вела непрерывные войны, народ нищал. На горизонте маячили мрачные годы "бироновщины" и дворцовых переворотов. Но разве вездесущей детворе есть дело до взрослых проблем? Вот как вспоминал на склоне лет тайный советник Теплов памятный день своего детства, определивший всю его жизнь:

"В ребячестве моем, когда мне было лет около девяти, играли нас ребятешек с десятков на улице, бегали, рылись в песке, глине и кто как хотел. Вдруг увидели, что мимоезжая карета остановилась. Мы бросили игры и смотрели на нее. Узнали, что это был наш архиерей Феофан Прокопович. Он также смотрел на нас в окно. Потом велел нам подойти к себе, дал всем руку и, некоторых останавливая, о чем-нибудь спрашивал, желая, по-видимому, узнать, кто что отвечает.

Дело дошло до меня.

- Тебя как зовут, мальчик?

- Гриша.

- Кто твой отец?

- Солдат Николай Теплов.

- Где он служит? Отчего имеет пропитание? Сколько имеет детей и т.д.

Напоследок, подавая еще руку:

- Скажи отцу своему, чтоб он завтра пришел с тобою к архиерею и сказал бы келейному, чтоб он о вас доложил.

Мы все разбежались с вестями и везде проповедовали, что архиерей нас благословлял, и что Теплому с отцом велел прийти к нему. Назавтра отец умыл меня чистою водою, расчесал волосы, помыл ноги, надел на меня чистую рубашечку, подпоясал по ней покромочкою и возложил на шею медный крестик на шнурке. Тут весь мой был мундир. Мы пришли к архиерею и стали в пространных сенях. Через них из одной половины в другую бежал келейник и спросил отца моего скоропостижно: " что ты, старик?..."

Когда мы допущены были к преосвященному, то он, взяв меня за крестик, спросил: кто тебе это дал? Батюшка. Нет, это вам повесил Владимир. Потом спросил отца: хочешь ли ты отдать мне своего сына.

Отец: я с радостью бы хотел, да он записан в государеву школу.

Архиерей: Ты только пожелай, прочее я все на себя беру. Я в нем предвижу прок.

Мой старик прослезился от благодарности и был отпущен с миром, а я остался в пансионе архиерейском".

ПАСТЫРЬ СТАД СЛОВЕСНЫХ ФЕОФАН

Феофан Прокопович, сыгравший столь большую роль в жизни Теплова, был сам чем-то похож на своего питомца. Он происходил вовсе не из знатного рода. Появился на свет в Киеве в 1681 году в семье небогатого торговца. Был крещен Елеазаром, но в юности, попав в Литве, стал Елисеем, а учась в Римской академии - Самуилом.

Служил в Киевской академии учителем стихотворства. Услышав его приветственную речь по поводу приезда в Киев царя, Петр пригласил Прокоповича в Петербург. В 1718 году тот стал епископом Псковским и Нарвским. Петр поручил Прокоповичу составить Духовный устав (Регламент) - документ, определивший положение церкви и религии в пореформенной России. Прокопович был близок всем императорам, выполнял деликатные поручения и читал над их гробом прощальные речи. Умер он в 55 лет от болезни почек, но кто знает, не был ли отравлен недоброжелателями, которых было у него достаточно?

Прокопович известен тем, что написал множество книг, имел библиотеку из четырех тысяч томов. Татищев говорил о нем: "В науке философии новой и богословии столько был он учен, что в Руси прежде равного ему не было, и в испытании древности великое тщание имел, а по природе острым суждением и удивительно твердою памятью был одарен".

Великого Петра дел славных проповедник,
Витийством златоуст, муз чистых собеседник,
Историк, Богослов, мудрец Российских стран,
Таков был Пастырь стад словесных Феофан.

Прокопович учредил в Петербурге гимназию на Новгородском Карповом подворье. Одной из любимых его затей было отыскивание талантливых отроков, которые, на его взгляд, могли бы составить будущее России. В числе питомцев Прокоповича достаточно назвать хотя бы такие знаменитые имена, как Михаил Ломоносов и Антиох Кантемир. Их ровеснику Грише Теплову - мальчугану с кудрявой головой - в школе Прокоповича дали прозвище "Барашек"...

И снова обратимся к воспоминаниям самого Теплова:

"Когда я учился в Петербурге, то оскудел в одежде, а наипаче износил штаны - скорее другого платья. Нужда - изобретатель всего. Я натянул полотно на блейт-рамы и ну писать штаны, представляя их на тесемке, нацепленной на деревянный гвоздь, вколоченный в стену. Мои соученики насмехались предмету, но моя твердость была непобедима. Я продолжал работу постоянно, а им это подавало больше причин к смеху и к насмешкам. Один говорил: "Пишет свой портрет", другой - "для друга - подарок", иной мимоходом подкрикивает: "не ошибись в мерке!", иной с важным видом говорит: "Не мешайте, братцы, Теплому приводить к концу его великие намерения". Словом, я продолжал писать мои штаны под стрелами самых язвительных насмешек. Без нужды и без терпения не мог бы я кончить моей работы. По окончании же чувствовал внутренне, что работа удалась, и терпение уже восторжествовало, не зная еще, чем оно наградится. Схватя мою картину, понес ее в дом (то ли Шувалова, то ли Нарышкина), в котором я знал, что принимают всякие, подобному моему произведению малости, дабы ободрять труд молодых учащихся, награждая их больше, нежели того стоит вещь. В доме повеселились над картиною, хвалили ее перед барышнями, спрашивали их мнения, нет ли в ней какого недостатка и дали мне целую горсть серебряных денег. Я побежал в ряды, выбрал по мере штаны, бросил старые, положил в оба новые кармана деньги - которых за уплатою осталось на добрый сюртук, явился к моим соученикам, и ударяя перед ними по обоим карманам, сказал моим насмешникам: "В мерке не ошибся!"

В СЕМЕЙСТВЕ РАЗУМОВСКИХ

Мы не знаем, как и почему Теплов оказался в доме Разумовских, стремительно набиравших вес в высшем свете. Еще вчера оба брата жили где-

то на украинском хуторе и были самыми обычными сельскими обывателями. Но вот Разумовский-старший попал на глаза императрице Елизавете, начался бурный роман, благодаря которому посыпались царские милости в виде графских титулов и фельдмаршальских звезд... Немудрено, что попавшим в фавору деревенским парням требовался человек, который был бы учен, сметлив, рассудителен, который бы мог стать и советчиком и устройтелем всех возникавших проблем. А.Васильчиков в своей книге "Семейство Разумовских" (Санкт-Петербург, 1880) писал:

"Первым, как по давности знакомства с Разумовскими, так и по влиянию, которое он постоянно имел на всю их семью, стоит Григорий Николаевич Теплов, сын жены истопника в Псковском архиерейском доме, отчего и получил он фамилию Теплов, и воспитанник знаменитого Феофана Прокоповича. Первоначальное образование получил он в школе, учрежденной Феофаном Прокоповичем при Александро-Невской лавре, а потом долгое время учился за границей. Он воротился оттуда в 1734 году, поступил в Академию наук и пристроился к Артемию Петровичу Волынскому, который никогда не покровительствовал невежеству. С необычайной ловкостью выпутался он из-под суда во время гибели Волынского, перешел к занятиям ученым, назначен переводчиком при Академии, а в 1741 году адъюнктом. Тут он стал искать покровительства у нового временщика и сделался необходимым в доме Разумовских. От своего воспитателя Теплов наследовал большую ученость, соединенную с весьма широкими понятиями о том, как обходиться с людьми сильными и как обхождение с ними согласовывать со степенью их силы".

В марте 1743 года Разумовский отправил своего брата в дальнюю поездку с паспортом... Ивана Ивановича Обидовского, требуя строжайше скрывать свое истинное имя. Характерно, что путешествие инкогнито было

тогда вполне в духе времени. И делал это не только Петр Великий, но и, например, известная в русской истории президент двух академий Екатерина Дашкова, отправившаяся в 1769 году в заграничный вояж под именем Михалковой - по названию одной из деревень мужа.

Цель поездки Разумовского на учебу за границу формулировалась следующим образом: "дабы учением наградить пренебреженное поныне время, сделать себя способнее к службе Ея Императорского Величества и фамилии своей впредь собою и поступками своими принести честь и порадование". По сути же, целью путешествия было приобщение Разумовского к европейской культуре и наглядная демонстрация ему устройства академических учреждений (с явным прицелом на должность президента Академии наук).

"Смотрение и предводительство" в этом долгом вояже было поручено Теплому. А в строжайшей инструкции юному Разумовскому говорилось: "Собою и без его воли ничего не начинать и не делать, никаких компаний и денежных расходов без его согласия не иметь".

Кенигсберг, Данциг... География, история, немецкий, французский, латинский языки... Уроки юному Разумовскому давал даже Леонард Эйлер, который был знаком Теплому еще по времени работы первого в Российской Академии наук в 1727 - 1741 годы.

За границей Теплов сумел нажить себе и врагов. Произошел конфликт, например, с одним из учителей - Штрубе. Тот выиграл в карты у Разумовского значительную сумму. Теплов сделал Штрубе выговор, а удачливый картежник принялся строчить доносы на ментора, будто тот сам игрок, пьяница и вор...

Весной 1745 года путешественники благополучно вернулись в Петербург. Заграничное путешествие преобразило юного Разумовского. Екатерина не случайно писала о нем: "Он был хорош собою, оригинального ума, очень приятен в обращении и умом несравненно превосходил брата

своего, который однако был великодушнее и благотворительнее его". Обратим внимание на то, что императрица в первую очередь подчеркивает оригинальный ум Разумовского, - а здесь, надо признать, влияние Теплова имело далеко не последнее значение.

АКАДЕМИЯ НАУК

В 1746 году восемнадцатилетний Разумовский был назначен президентом Академии наук. И это, как ни странно, вряд ли было сенсацией. В то время Академия воспринималась в высшем свете, как некий клуб ученых мужей, любящих копаться в книгах, ставить опыты, сочинять оды и устраивать фейерверки... Любопытно, что фактически ставший у руля Академии наук Теплов имел тогда лишь звание адъюнкта ботаники, но в следующем году он уже был избран академиком.

Формальный же президент академии в основном пребывал "среди вин, сластей и ароматов". Ходили слухи о том, что Разумовский больше наплодил детей, чем прочитал книг, и лучше знал петербургских красавиц, чем членов Академии.

Все(!) академики открыто враждовали с Тепловым. У известного историка Мюллера (в другой транскрипции - Миллера) он, например, именем Разумовского отнял место ректора в университете и запретил сочинять родословные. Когда же Мюллер сочинил научный труд "О происхождении народа и имени руссов", вызвавший неодобрительные отклики в связи с пренебрежительным мнением о русских и славянах, Теплов подписал вердикт:

"Диссертацию профессора Миллера, собрав черную и белую рукописную, отдать в архиву, а напечатанную и с корректурами хранить до указа под особливую канцелярскую печатью, не выпуская ни под каким видом ни

единого экземпляра в свет, дабы со столь многими сумнительными и важными погрешностями не мог себя подвергнуть автор дальнейшему толкованию, а, исправляя при времени, оную мог при подобной okazji употребить".

Мюллер бросился жаловаться на Теплова. И тогда его "за клевету" на Теплова, а также за старые прегрешения разжаловали из академиков в адъюнкты (потом, впрочем, простили).

Нелюбовь Теплова к Ломоносову была, по большому счету, связана с тем, что благодаря Шувалову последний получил первенствующее значение в Академии. А Ломоносов терпеть не мог выстаивать очередь в приемной Теплова. Неуживчивый Ломоносов вскоре открыто повздорил с Тепловым - с тех пор они были на ножах. Но Разумовскому пришлась явно по душе широкая натура Ломоносова, и он, вопреки Теплову, всячески поддерживал русского ученого. Не случайно Ломоносов писал однажды Шувалову: "Президент наш добрый, только вверился Теплову". И еще одно свидетельство тех времен: Разумовский в Академии "облокотясь на стол, все лежит и никакого рассуждения не имеет, и что положат, то крепит без спору, а боле в той Академии имеет власть той Академии ассессор Григорий Теплов". Иной раз в ярости Ломоносов даже восклицал: "Иго Теплова!"

О Теплове ходили слухи, что он целиком и полностью правил домом младшего Разумовского и даже сам решал, что готовить на обед. Более того, столичное общество было возмущено открывшейся у Теплова манерой без всякого приглашения приезжать на обеды, занимать куда более почетное место, чем ему полагалось по возрасту и по чину. Был и вовсе анекдотический случай: Теплов выставил из кареты на улицу некую даму и покатил дальше сам!

Впрочем, довольно о конфликтах и дерзостях... Ведь приходилось Теплову тащить на себе академический воз, занимаясь множеством дел,

оставшихся незамеченными историками и современниками. Известно, например, что по его инициативе в Москве была организована торговля книгами Академии наук. Еще в 1750 году Теплов сочинил регламент об университете (по сути - устав). Но только благодаря Ломоносову университет стал университетом. И потому нет в нашей стране МГУ имени Теплова... Неисповедимы пути истории!

Теплову, кстати, принадлежит проект открытия первого в Малороссии университета. Вместе с Разумовским (когда тот был гетманом Малороссии) они однажды даже приехали в университет московский и интересовались, как он устроен. Но Теплов все же считал, что это учебное заведение непременно надо устроить по типу немецких университетов и основать его в Батурине.

Столь же прозападные взгляды проявил Теплов и позднее, будучи одним из членов комиссии, которая составила проект создания в России гимназий. Любопытно что только Теплов был в этой компании русским, остальные - иностранцы: историк Миллер, профессор Дильтей, капеллан Дюмареск, вице-президент юстиц-коллегии фон Клигштет. План гимназий был составлен в 1766 году, он предусматривал приоритетное изучение математики и иностранных языков. Очень мало учебного времени отводилось истории и географии, а также русскому языку. Совсем в духе Петра Великого ставилась задача вырастить "собственных иностранцев"...

Теплов был автором книги "Наставления нравственной философии, или знания, касающиеся вообще до философии", вышедшей в 1751 году, а также составителем "Каталога кабинета естественной истории". Его "Российская география для Феофановой семинарии" так и осталась неопубликованной наравне с незаконченной историей Малороссии.

За большие, а подчас и за мнимые заслуги, Теплов был удостоен немалых почестей. Однажды он, например, написал письмо о своем желании быть

принятым в почетные члены Академии художеств. И был тут же принят... Других академий в Петербурге больше не было. Куда еще было устремить взор в столице честолюбивому тридцатилетнему ботанику?

НАМЕСТНИК МАЛОРОССИИ

Жизнь сделала неожиданный поворот, когда молодой Разумовский был вынужден покинуть Северную Пальмиру и уехать на Украину. Получив специально для него восстановленный гетманский чин (а может быть, уже титул?), он заботился о том, как устроить свой въезд в Малороссию как можно пышнее. Не будем перечислять, сколько сотен подвод занаряжалось в пышный путь из Москвы. Елизавета решила было оставить Теплова в столице, пожаловав ему чин коллежского советника (что соответствовало званию полковника). Но Разумовский не мог расстаться с Тепловым и просил Елизавету отпустить его верного спутника в Глухов.

В богатой карете, запряженной цугом, Теплов вез гетманскую грамоту. На запятках стояли четыре лакея, сопровождали повозку всадники. По окончании торжественной обедни в Глухове Теплов прочел вслух гетманскую грамоту всему собравшемуся народу...

Именно ему, Григорию Теплову, предстояло на протяжении почти полутора десятков лет быть фактическим правителем Украины - этой пока неведомой для петербургского академика страны, которая со временем станет его второй родиной.

Как в шутку говорили тогда знающие люди, Теплов со своими знаниями и энергией стоил минимум четырех обыкновенных членов Малороссийской коллегии. Он не только был правителем генеральной канцелярии, но и набрал

ее по своему желанию. Одновременно являлся политическим директором, инспектором и администратором.

Вернувшись на родину, возвысившийся Разумовский, похоже, не только устроил свой двор в Глухове по образцу императорского, но и оказался просто игрушкой в руках своей многочисленной родни. После веселого застолья он раздавал налево и направо целые деревни. Рассказывали, например, такую историю. Когда Разумовский объезжал свои владения, ему на глаза попала какая-то убогая хижина среди полей. Разумовский вызвал управляющего: убрать! А тот в ответ:

- Никак нельзя, хижина принадлежит казаку, он за нее слишком дорого просит!

- Ну так пришли его ко мне...

И вот состоялся разговор с казаком. Разумовский сказал ему, что цена в три тысячи (!) рублей великовата. А казак ответил, что это еще и цена той земли, которую графские хлопцы отрезали у него... Наконец гетман сторговался с казаком: две с половиной тысячи рублей. Разумовский, отдавая деньги, сказал:

- Смотри, чтоб через три дня твоей хаты здесь уже не было!

Казак взмолился:

- Да как же можно так быстро управиться, ваша милость? Разумовский не стал продолжать разговор, просто бросил управляющему:

- Отведи ему в конце моих владений двойное количество земли, построй новую хату - и дело с концом!

А на завтра Разумовский снова дарил и земли, и крестьян своей челяди без всякого разбора и счета...

Немудрено, что эта вольница все больше и больше начинала раздражать Теплова. Он хотел покончить с анархией, с тем, что Малороссия вечно

кичилась своей самостийностью и была ничем не управляемой. Его самым заметным поступком на этом поприще стала знаменитая записка Теплова Екатерине о положении Малороссии. Главную суть этого любопытного документа, в котором были намечены контуры будущей политики Петербурга по отношению к Украине, выразил историк С.М.Соловьев:

"В Малороссии, по словам Теплова, все управлялось не правом и законами, а силою и кредитом старшин и обманом грамотных людей. Вследствие такого управления число свободных землевладельцев чрезвычайно уменьшилось, а число крепостных земледельцев, напротив того, увеличилось... Сильно вредит малороссийскому народу вольный переход с места на место; благодаря ему бедные помещики час от часу приходят в большую бедность, богатые усиливаются, а мужики становятся пьяницами, ленивцами и нищими, которые в благословенной плодородием стране умирают с голоду".

Автор записки взывал к императрице с просьбой покончить с самобытными порядками Малороссии, которые, по его мнению, были анахронизмом и служили только интересам украинской верхушки, но не государства Российского в целом. Идеи Теплова со временем были реализованы практически полностью, Малороссия, пусть не сразу, а постепенно стала походить своим устройством и системой управления на Россию (Попутно замечу, что Теплов вернулся к теме происхождения богатства и бедности еще в одной своей записке - "О пользе крестьянского торго" (1765 год), где он отмечал "крайний в мещанских людях недостаток". Вскоре началось правовое оформление положения мещан...).

Столь мощное, хотя и не афишируемое, влияние Теплова на петербургскую власть не могло не сказаться на его отношениях с гетманом Разумовским, да и со всей правящей прослойкой Малороссии. Неудивительно, что недоброжелатели иной раз называли Теплова даже предателем - как

человека, рискнувшего за спиной своего патрона проводить вразрез ему независимую политику.

Назревало что-то мрачное, неведомое. Во всем виделись особые знаки, символы. Когда, например, в Чернигове Разумовский и Теплов осматривали укрепления, они ехали верхом. Вдруг ветер сорвал с Разумовского андреевскую ленту. Теплов, ехавший за ним, успел ее подхватить и хотел снова надеть, но Разумовский взял у него ленту, свернул и положил в карман. В народе пошли разноречивые слухи, и когда о них стало известно матери Разумовского, она уговаривала сына отстранить от себя Теплова. Старуха предрекала всяческие несчастья, если сын будет продолжать следовать советам своего любимца. Но гетман не слушал своей матери...

Екатерина, узнав, что Разумовский метит в пожизненные гетманы и собирается оставить свою должность наследникам, довольно быстро приняла решение снова упразднить это злополучное гетманство. Разумовский сам написал прошение об отставке и выехал в Петербург. Его встречал все тот же Теплов...

В последние годы жизни Разумовский был занят постройкой дома и церкви в Батурине, на обрывистом живописном берегу Сейма. Эта местность еще долго в народе звалась Тепловкою (!). А дом Разумовскому так и не удалось достроить. И после смерти его все необыкновенно быстро стало разрушаться...

ПОЭТ И ШПАГА

Тайный советник Теплов был не чужд не только философии, но и поэзии. Он был в приятельских отношениях с поэтом Сумароковым, а в молодые годы даже переводил (переводы эти так и не были опубликованы) сатиры Антиоха

Кантемира на латинский язык, за что удостоился полтора века спустя отзыва одного из биографов: "Как писатель он заслуживает внимания потомства, ибо начал писать одновременно с возрождением русской поэзии в первых произведениях Ломоносова". Теплов был и автором первого отечественного сборника вокальной лирики "Между делом безделье, или собрание разных песен с приложенными тонами на три голоса, музыка Г.Т." (опубликован в 1759 году, в нем было всего 36 страниц). Не случайно известный исследователь культуры прошлого Л.Б.Модзалевский писал: "Что касается искусств, и в частности музыки, то хорошо известно, что именно Теплов обладал в XVIII веке в России огромными теоретическими и практическими познаниями в музыке. Его имя вошло в историю русской музыкальной культуры".

В 1755 году, в одном из первых выпусков только что начавшего выходить журнала "Ежемесячные сочинения" была опубликована статья "Рассуждение о начале стихотворства". Как считают литературоведы, авторство принадлежало Григорию Теплову. Я не берусь судить о поэтических дарованиях и воззрениях Теплова, хочу только процитировать изложение этой статьи, опубликованное в "Очерках по истории русской журналистики и критики" (Ленинград, 1950):

"Существуют науки и искусства. Первые обращаются к пользе, вторые - иногда к пользе, а иногда к единому увеселению". Стихотворство бывало использовано для умягчения тиранов, побуждению общества к бою, для возбуждения огня любовного. Любовь - сильная страсть ("потому что прочие склонности воспитанием строгим одолеть можно, а сия, по крови бываемая, делает человека невольником своим"), и она-то и была источником поэзии, и песни, конечно, любовные, представляют, таким образом, естественное явление".

В этой статье, а также в другой статье, опубликованной в этом же, 1755 году, - "О качествах стихотворца рассуждение" - Теплов подчеркивал, что поэт, помимо природного дарования, должен быть сведущ в науке, обладать высокими моральными, гражданскими качествами. Назначение поэзии - не только увеселять, но и быть учительной. Поистине ментор!

В 1755 году Третьяковский сочинил анонимный памфлет на руководство Академии, хотя больше всех сарказма досталось опять же Теплову. Теплов, возмущенный этим, написал жалобу, прямо указывая на авторство: "В многоречии своем, которое есть истинное Третьяковского по всей пьесе от начала до конца, он столь особлив же, что едва ли можно в роде человеческом быть другому Третьяковскому... изблевал свой яд... гнусное стихосложение... безразумные стихи..."

Теплов вызвал Третьяковского в дом Разумовского и там, размахивая шпагой, выплеснул на стихотворца, который упрямо заявлял о своей непричастности к памфлету, шквал непечатных ругательств. Когда на следующий день поэт принес Разумовскому письменное прошение, лакей и вовсе не впустил его в дом. Третьяковского лишили звания профессора элоквенции (красноречия) и разрешили заниматься только переводами. Третьяковский писал однажды, что после этого случая, после клеветы Теплова он едва не покончил жизнь самоубийством.

Жалко Третьяковского, что и говорить! Но такова уж была его судьба. Еще в то время, когда в молодости Теплов служил секретарем у Волынского, его начальник был явно не благосклонен к стихотворцу Третьяковскому. В феврале 1740 года Волынский избил поэта за какие-то вирши, сочиненные к свадьбе шутов. И тогда Третьяковский очень долго молил о компенсации за увечья и поношенье, но свои 360 рублей смог получить только тогда, когда Волынский попал в опалу, был казнен и из его конфискованного имущества

выделили-таки сумму для пострадавшего поэта. Жизнь распорядилась так, что спустя пятнадцать лет Теплов расправился со стихотворцем, а денег на этот раз, насколько нам известно, уже никаких не заплатил.

ЗАГОВОРЩИК

Эпоха великих интриг и дворцовых переворотов нуждалась в действующих лицах соответствующего мировоззрения, темперамента и таланта. Если вспомнить мнение историка С.М.Соловьева о Теплове ("Безнравственный, смелый, умный, ловкий, способный хорошо говорить и писать"), то станет понятно: время не могло не выбрать Теплова в качестве одного из своих пусть не главных, но все же и не последних героев драмы, разыгравшейся на подмостках истории.

Мрачной фигурой незримо участвует Теплов уже в падении великого канцлера А.П.Бестужева-Рюмина в 1758 году. Канцлеру были, в частности, поставлены в вину переписка с доверенными людьми, о сути которой мог знать только Теплов. Также и о переписке Разумовского с Екатериной знал только Теплов. И он стал информировать об этом свекровь Екатерины - Елизавету...

За карточным столом у Разумовского собирался тесный круг из пяти человек: сам Разумовский, Мария и Лев Нарышкины, великий князь и жена Теплова Матрена. Кстати, в биографии Теплова есть ряд противоречий и одно из них состоит в том, что, по разным историческим источникам, Матрена Герасимовна Стрешенцова, сестра жены генерального обозного Кочубея, была то ли второй, то ли третьей женой Теплова. Во всяком случае, его первой, рано умершей женой была шведка, оставившая Теплому несколько дочерей.

Екатерина писала в своих записках о том, что ее муж, тогда еще только великий князь Петр, в 1756 году "поссорился с графиней Воронцовой и

влюбился в девицу Теплову, племянницу Разумовских (даже для Екатерины было очевидно особое положение Теплова в семье Разумовских, хотя на самом деле он не был их родственником. - А.К.). Ему хотелось видеть ее и он советовался со мною, как убрать комнату, чтобы она лучше ей понравилась, и для того притащил множество ружей, гренадерских киверов, перевязей и проч., так что комната походила на арсенал".

И здесь снова разные источники противоречат: в отличие от Екатерины, другие очевидцы утверждали, что предметом страсти великого князя была вовсе не дочь, а сама Матрена - жена (!) Теплова. И надо же было нашему герою из-за какой-то мелочи поссориться с французским архитектором Валуа! Тот написал донос Петру. А императору было за что не любить хитрого и умного Теплова, ведущего свою интригу при дворе. Оклеветанный Теплов был тут же арестован и "допрошен строжайшим образом". Обескураженный таким поворотом событий, Разумовский заступился за своего учителя, и узника вскоре выпустили на свободу. Более того, последовал указ Петра от 23 марта 1762 года: "Всемиловнейше пожаловали мы статского советника и нашего голштинского двора камергера Григория Теплова за известную нам к его службе ревность в статские советники, которому повелеваем быть в отставке по-прежнему".

Опала миновала, но и милостей уже ждать не приходилось больше! Теплов затаил жажду мести и при первой же возможности принял сторону Екатерины в назревавшем заговоре против ее мужа. Именно Теплов сочинил накануне проект манифеста и форму присяги будущей императрицы. Именно он писал потом первые указы в старом Зимнем дворце. И с каким настроением он составлял отречение, которое потом был вынужден подписать Петр: "...от правительства Российским государством на весь век мой отрицаюся, не желая

ни самодержавным, ниже иным каким-либо образом правительства во всю жизнь мою в Российском государстве владеть".

Теплов исполнял должность секретаря в чрезвычайном совете. Вместе с сенаторами и Екатериной он, в частности, подготовил распоряжения, касающиеся флота, приморских мест и заграничной армии.

Как один из главных участников событий 28 июня 1762 года он какое-то время спустя получил от императрицы 20 тысяч рублей. В одном из писем Екатерина признавалась даже: "Теплов оказал мне большие услуги". В 1763 году он был "определен к принятию прошений на Высочайшее имя"...

ДОВЕРИЕ ЕКАТЕРИНЫ

"Служить, не имея доверенности государя, все равно что умирать от сухотки", - в сердцах воскликнул однажды Григорий Теплов. И, надо сказать, он в полной мере познал, что значит доверие монархов. Не случайно Теплов вошел в историю не только как фактический руководитель Академии наук, не только как наместник Малороссии, но и как "статс-секретарь к принятию прошений, поступающих к государыне". С 1767 года он тайный советник, сенатор. Чего стоит одно только перечисление тех должностей, которые были доверены ему в разное время! Член комиссии церковных имений. Делопроизводитель комиссии о дворянстве. Делопроизводитель комиссии, которой было поручено "рассмотреть коммерцию Российского государства и купечество". Одно время Теплов даже преподавал политические науки наследнику престола, будущему императору Павлу.

Но, как ни странно, упоминается Теплов и в деле заговорщиков, рассчитывавших убить Орловых. Замысел этот вызвал гнев Екатерины: "Орловых убить хотят, а меня свергнуть". Впрочем, Теплов не был никак

наказан (опять?). А гвардейский офицер Федор Хитрово, участвовавший еще в перевороте 1762 года, был сослан в свое имение Орловского уезда, несколько человек уволены в отставку.

Даже Разумовский, который испытал на себе все последствия изворотливости Теплова, тем не менее не мог обойтись без своего испытанного канцеляриста. В беспомощности он написал однажды: "Прошу присутствовать на слушаниях в сенатском департаменте Г.Н.Теплову, как одному такому, который по справедливости тамошние дела в точности их ведаёт".

В последние годы жизни Теплов не только подолгу жил в Молодовом, но и часто путешествовал по Малороссии, вспоминая свое время, время, когда он был здесь наместником. В Глухове, например, Теплов имел обыкновение по-приятельски захаживать к протоиерею Корнилию Иезефовичу, за чашкой чая вспоминать свои молодые годы, пору ученичества, крайнюю бедность. Одну из этих историй - о выкрашенных и затем проданных брюках протоиерей потом пересказал юному церковному служке, будущему литератору Добрынину. Вот как об этом написал сам Добрынин:

"Отец Иезефович, пересказывая мне сию историю, примолвил: "Как мы были теперь у него на приезде и я заметил, что он обошелся со мною по-прежнему, то сказал я ему тихонько: "Теперь вашему превосходительству не нужны живописные штаны". Он рассмеялся и сказал вслух: "Напоминание прежних времен приятно. Покойный преосвященный Прокопович и сам бы теперь доволен был, что он в своих догадках не обманулся; он иногда на меня говаривал: "Этот мальчик имеет немаловажные дары природы, да только несчастлив". А теперь я (принявшись за орден) по милости государыни имею ленту".

Григорий Николаевич Теплов умер 30 марта 1779 года.

Умер, но осталась грандиозная библиотека и огромный архив с ценнейшими документами, которые могли свидетельствовать об эпохе едва ли не больше, чем их сам автор и владелец.

ФАМИЛЬНАЯ ЧЕСТЬ

Герб Тепловых выглядит несколько странно (два карабина и две золотые стрелы остриями вверх), если учесть, что сам Теплов был сугубо мирный человек и все его сражения прошли исключительно в виде бесконечных интриг, а оружием в основном служили перо или шпага. По всей вероятности, герб был просто сочинен в воинственной традиции тех лет и в назидание потомкам.

Наследники Теплова довольно многочисленны и заметны в русской истории. Уже сын его Алексей (во втором браке у сенатора было три сына) упоминается при рассказе о видном немецком историке и филологе Августе Людвиге Шлёцере, приехавшем в Россию изучать историю по первоисточникам. Ко всему прочему Шлёцер получил место домашнего учителя детей графа Кирилла Разумовского. По странной причуде, было решено отделить детей от родителей: на Васильевском острове поселились в отдельном доме не только трое сыновей Разумовского, но и трое их сверстников - Теплов, Олсуфьев и Козлов. И было трое учителей, включая Шлёцера. Теплов особо требовал от сына налегать на латынь. Шлёцер даже выбрал для мальчика 172 стихотворения, которые затем были напечатаны отдельной книгой.

В дальнейшем сын Теплова - будущий губернатор Слободской Украины - продолжил свое образование за границей, где учился в Лейпциге вместе с Радищевым. Дослужившись до тех же чинов, что и отец, тайный советник и

сенатор Алексей Григорьевич Теплов на старости лет переехал в Молодовое - доживать свой век. Его жена была из рода Ласунских - вот откуда эта фамилия попала в "Дворянское гнездо". Это была первая жена Алексея Григорьевича Теплова, их сын - Николай Алексеевич. Вторая жена была из рода Кругликовых - в этом браке родились старшая дочь, а также два сына - Григорий и Павел.

Дочь Г.Н.Теплова от первого брака Анна была замужем за Семеном Александровичем Неплюевым, который с 1782 по 1792 год занимал должность правителя Орловского наместничества (то есть фактически был губернатором). Любопытно, что в 1773 году Неплюев был определен членом все той же Малороссийской коллегии. Именно Неплюев встречал летом 1787 года проезжавшую через Орел императрицу Екатерину II. Как и тесть, Неплюев закончил свою карьеру сенатором.

Исследователи часто цитируют собственноручную запись в памятной книжке Варвары Петровны Тургеневой о рождении ее сына Ивана. Забывают только привести запись полностью. А там, между прочим, сказано о том, что мальчика "крестили 4-го числа ноября Федор Семенович Уваров с сестрою Феодосьею Николаевной Тепловой".

Варвара Петровна назвала сестрой сестру своего мужа. Вот что рассказывает о ней орловский краевед В.А.Власов:

"Крестной матерью автора "Записок охотника" была одна из его тётей - Феодосья Николаевна Теплова (урожденная Тургенева). Родилась она 22 июля 1800 года в многодетной семье небогатого тульского и орловского помещика. Отец рано выдал ее замуж за поручика Преображенского полка Николая Алексеевича Теплова, внука известного просветителя XVIII века... В день свадьбы родителей писателя 14 января 1816 года в Спасском-Лутовинове он (Н.А.Теплов. - А.К.) был одним из двух поручителей (свидетелей) со стороны

жениха. В том же году у Тепловых появился первенец, названный в честь двух дедов Алексеем... Скончалась Феодосья Николаевна в апреле 1837 года, почти одновременно со своим племянником Сергеем, младшим братом писателя. Похоронили ее в Москве на кладбище Донского монастыря, где потом найдут пристанище В.П.Тургенева, муж и сын, дослужившийся в Кавалергардском полку до полковничьего чина".

Остается добавить, что Николай Алексеевич Теплов был замечательным виолончелистом (как и его отец и дед). Тургенев очень любил дядю, который к тому же, по правилу тех лет, дал поручительство за племянника, когда он поступал в университет. Правда, судьбе было угодно распорядиться так, что рано овдовевший Николай Алексеевич женился на Настеньке Протасовой - девушке, которой был увлечен Иван Тургенев. С тех пор отношения дяди и племянника стали более чем прохладными. Сын Н.А.Теплова от первого брака был холостяком и умер бездетным. Но Николай Алексеевич оставил многочисленное потомство во втором браке. Один из его внуков - Григорий Алексеевич был первым издателем выходившей в Орле в начале XX века газеты "Орловская речь", а также автором ряда книг.

Породнились Тепловы и с декабристами. Так в 1834 году опальный подпоручик Захар Чернышев женился на Екатерине Алексеевне Тепловой. Но лишь спустя три года ему удалось по расстройству здоровья выйти в отставку, да и то разрешалось жить только в одном из имений сестер. Захар Чернышев умер в 1862 году, Екатерина Алексеевна - в 1878 году. Так как детей у них не было, принадлежавшее им имение Тагино перешло к сыну одной из сестер Чернышева.

А женой Теплова Григория Алексеевича стала Александра Ивановна Анненкова - дочь декабриста Ивана Анненкова (истории его жизни посвятил свой роман "Учитель фехтования" Александр Дюма).

Тепловых необходимо упомянуть и как людей, равнодушных к ботанике. Как отмечал автор брошюры об орловском городском саде Дмитрий Добрынин, при закладке сада было высажено множество деревьев из сада Тепловых (как тут не вспомнить о том, что Теплов-старший был адъюнктом ботаники!). А в "Орловских губернских ведомостях" в № 47 за 1860 год сообщалось об избрании Г.А.Теплова в действительные члены существовавшего тогда в Орле отдела комитета акклиматизации - по сути, первого в нашем крае общества сельского хозяйства и биологии.

Эти опыты, по-видимому, не давали покоя Тепловым на протяжении многих лет. К примеру, в Молодовом имелась прекрасная оранжерея, где выращивались тропические растения. Один из Тепловых поддерживал дружеские отношения с виднейшим естествоиспытателем Орловского края Хитрово. Специально для него Теплов собрал солидный гербарий, украшением которого были несколько видов розовых орхидей, нигде, кроме Молодовских лесов, не встречающиеся. Собрание Теплова стало составной частью хорошо известного среди ботаников огромного гербария Хитрово.

МОЛОДОВОЕ

Теплов построил свою усадьбу в селе Молодовом Карачевского уезда Орловской губернии. Это было одно из старейших поселений губернии, имевшее к тому же весьма заметную историю. Так в конце XVII века оно принадлежало боярскому роду Хитрово и называлось тогда Молдавское городище. В 1670 - 1675 годы боярин Б.Хитрово поселил здесь, в своем поместье около двухсот семей с северо-востока Белоруссии - из Витебского, Могилевского, Полоцкого и ряда других.

Однако, судя по всему, либо переселенцы не особо прижились на новом месте, либо Молодовое было лишь центральной точкой их обширного расселения. Во всяком случае, в 1696 году в Молодовом и нескольких окрестных деревнях насчитывалось всего 57 дворов. Именно тогда село с деревнями было подарено Петром Великим наряду с другими наградами за взятие Азова своему ближайшему сподвижнику адмиралу и фельдмаршалу Федору Алексеевичу Головину (его мы упоминаем в очерке о Вознищине - Головин был вторым послом в Великом посольстве).

Головин умер в 1706 году, и трудно судить о том, кто были владельцы Молодового в последующие годы. В 1754 году село уже принадлежало Теплому. Он не случайно сделал Молодовое своей главной усадьбой. Привлекала, конечно же, в первую очередь близость к Малороссии, к дороге, связывавшей Москву с Малороссией. Ведь в одном из писем он писал: "Когда я в Москве, то по крайней мере могу сказать, что я ближе к моим украинским пенатам". Выходит, что в Молодовом он был еще на несколько сотен верст ближе...

Теплов занимался в Молодовом лесоразведением, садоводством. Работал над философскими трудами, собирал материалы для истории Малороссии. И после его смерти родовое поместье сохраняло дух хозяина. Известный литературовед, а в ту пору орловский губернатор

М.Н.Лонгинов, побывавший в 1870 году в Молодовом, писал в очерке о Теплове:

"... цел донныне огромный каменный его дом с обширными службами, садом, превосходными фамильными портретами, старинной утварью, большим архивом и библиотекой, достойной просвещенного человека той эпохи, в чем я имел случай лично удостовериться, посещая живущего там ныне родного внука его Григория Алексеевича Теплова".

Увы, нам уже не суждено увидеть этого огромного дома и его богатейшей коллекции. Все погибло в 1917 году. Еще несколько лет назад о причинах утраты говорилось глухо, вскользь. Однако, виной всему оказалась явно не нелепая случайность. Архивные документы сохранили описание погрома, и на их основе о происшедшем рассказал краевед В.Шапочка в своей статье "Погром 1917-го", опубликованной в газете "Поколение" в мае 1996 года.

В огромном доме, длина фасада которого составляла 150 метров, большинство комнат были отданы уникальным книгам, рукописям и портретам. Здесь обитало всего несколько человек - управляющий имением В.П.Скрябин с дочерью, душевнобольная сестра владельца - С.Г.Теплова, экономка, служанка и три пленных чеха. Ночью 10 ноября в дом ворвалась шайка вооруженных погромщиков и разграбила его, впрочем, пока не тронув книги и документы. Тщетно пытался управляющий найти защиту в Шаблыкино и Карачеве. В ночь на 14 ноября шайка в очередной раз пришла довершить погром, разграбила оставшееся и подожгла дом. В огне погибло бесценное достояние, где только книги библиотеки оценивались в 200 тысяч рублей золотом.

Конечно, что-то не сгорело, просто разошлось по рукам. В Молодовом в 1993 году мне довелось встретиться со здешним старожилом Виктором Николаевичем Сидоровым. Он еще помнил кое-какие книги из той библиотеки, помнил рассказ своей матери о том, как ее брат Матвей Черняев принес с погрома дюжину серебряных вилок и ложек, а еще стол. Серебро, правда, продали в 1933 году в "Торгсин", чтобы купить риса и не умереть с голоду...

Молодовое издавна было известно тем, что здесь обосновались торговцы лесом, которые заготавливали древесину в Молодовских лесах и сплавляли ее по Десне в Киев (об этом, кстати, упоминается в словаре Брокгауза и Ефрона).

В семье крестьянина-лесопромышленника в 1883 году родился Федор Чириков. Студент Петровской сельскохозяйственной академии, он в годы первой русской революции участвовал в студенческих волнениях, из-за чего был вынужден нелегально уехать в Америку. Прожил за границей год, работая простым рабочим у фермера. Вернувшись в Россию, закончил учебу и стал заведующим опытными полями Всероссийского общества сахарозаводчиков. В послереволюционные годы Федор Васильевич Чириков был профессором Казанского политехнического института, а затем заместителем директора Казанского института сельского хозяйства, заведующим отделом растениеводства опытной станции в Каменной степи под Воронежем. Был репрессирован - осужден на пять лет - по делу так называемой трудовой крестьянской партии...

Федор Чириков подарил свою богатую библиотеку школе родного села. В ту пору, когда Молодовое объявили неперспективным и школу в 1978 году закрыли, книги были незаметно утрачены... В истории совпадения, конечно, бывают нередко, но вот факт повторной гибели библиотеки в одном и том же селе наводит на грустные размышления.

* * *

История Григория Теплова и, надо полагать, всего семейства Тепловых еще ждет пытливого исследователя, которому предстоит собрать воедино разрозненные факты разных времен и судеб. Увы, это исследование вряд ли будет усеяно только приятными открытиями и встречами с примерами бесспорно положительного плана. Но в летописи семейства Тепловых, тем не менее, найдется немало интересных страниц, а порой и поучительных выводов. Иной раз лично мне хочется просто посочувствовать старику Теплову, который столько странствовал и повидал на своем веку...